

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ
КАК КОНЦЕПТ И ИНСТИТУТ

PERSONAL DIGNITY AS A CONCEPT AND INSTITUTION

***Dignitatis Humanae*, современный
конституционализм и правовая экзистенция:
философско-антропологические,
конституционные, международно-правовые
и социально-политические аспекты (Часть 1)**

*И.А. КРАВЕЦ**

* **КРАВЕЦ Игорь Александрович** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского государственного университета (НГУ). Адрес: 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д.1. E-mail: kravigor@gmail.com

В статье обсуждаются проблемы идентификации человеческого достоинства в конституционном и философско-правовом дискурсе, рассматривается социобиологическая природа и сущность достоинства в современном конституционализме и международной юриспруденции; происхождение и использование “*dignitas*” в рамках римской правовой традиции; развитие представлений о достоинстве личности в эпоху Возрождения и их влияние на юридические доктрины и современную практику конституционного правосудия. Оцениваются перспективы возвышения человеческого достоинства в современной юриспруденции с позиций философского и метаюридического анализа. Обосновывается, почему слово “достоинство” занимает центральное положение в современной этической и конституционно-правовой дискуссии. Цель статьи – определить значение и роль юридического полиморфизма в создании разнообразных правовых форм человеческого достоинства; роль диалога европейского и российского конституционализма по вопросу о достоинстве; влияние современного культурного многообразия на секуляризацию и универсализацию человеческого достоинства. Научные каноны обсуждения категории “человеческое достоинство” расширяются благодаря применению концепций итеративности, полиморфизма, дивергентности, экспрессивной теории права в вопросах взаимодействия прав человека, демократического конституционализма, национального и международного правопорядков, разнообразных форм человеческой деятельности, вовлекающих использования потенциала прав человека в их отраслевой и социально-политической специфике.

Ключевые слова: *dignitas humanae*, человеческое достоинство, российский и международный конституционализм, правовая экзистенция, этика достоинства, идентичность, конституционное правосудие, юридический полиморфизм, права человека, международное право о достоинстве, экспрессивная функция достоинства.

DOI: 10.31857/S086904990009954-1

Цитирование: Кравец И.А. (2020) *Dignitatis Humanae, современный конституционализм и правовая экзистенция: философско-антропологические, конституционные, международно-правовые и социально-политические аспекты* // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 38–52. DOI: 10.31857/S086904990009954-1

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-111-50149.

Dignitatis Humanae, modern constitutionalism and legal existence: philosophical and anthropological, constitutional, international legal and socio-political aspects (Part 1)

Igor A. KRAVETS *

* **Igor A. Kravets** – Doctor of Science (in Law Studies), Head of the Chair of Theory and History of State and Law and Constitutional Law of the Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk State University (NSU), professor. Address: 630090, Pirogova str., 1, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kravigor@gmail.com

Abstract. The article discusses the problems of identification of human dignity in constitutional and philosophical legal discourse, examines the sociobiological nature and essence of dignity in modern constitutionalism and international jurisprudence; the origin and use of "dignitas" in the Roman legal tradition; the development of ideas about human dignity in the Renaissance and their impact on legal doctrines and modern practice of constitutional justice. The work assesses the prospects for the elevation of human dignity in modern jurisprudence from the perspective of philosophical and meta-legal analysis. The article substantiates why the word "dignity" occupies a central position in the contemporary ethical and legal debate. The aim of the article is to define the meaning and role of legal polymorphism in creating various legal forms of human dignity; the role of dialogue between European and Russian constitutionalism on the issue of dignity; the impact of contemporary cultural diversity on the secularization and universalization of human dignity. The scientific canons for discussion of the category "human dignity" are expanding through the application of the concepts of iterativity, polymorphism, divergence, expressive theory of law in matters of interaction of human rights, democratic constitutionalism, national and international legal order, various forms of human activity, involving the use of the potential of human rights in their sectoral and socio-political specifics.

Keywords: dignitas humanae, human dignity, Russian and international constitutionalism, legal existences, ethics of dignity, identity, constitutional justice, legal polymorphism, human rights, international law on dignity, expressive function of dignity.

DOI: 10.31857/S086904990009954-1

Citation: Kravets I. (2020) *Dignitatis Humanae, modern constitutionalism and legal existence: philosophical and anthropological, constitutional, international legal and socio-political aspects. Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 38–52. DOI: 10.31857/S086904990009954-1 (In Russ.)

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-111-50149.

“Man is the only creature that refuses to be what he is”

A. Camus. *The Rebel* [Camus 1982, p. 17]

*“Человек – единственное существо,
которое отказывается быть тем, кем оно является”.*

А. Камю. Бунтарь/Бунтующий человек

Трансформация человеческого достоинства и его истоки: в поисках эгалитарного универсализма и правовой идентичности

Если задуматься над высказыванием А. Камю, взятое эпиграфом к данной статье, в форме вопроса “почему?”, то ответ не заставит себя ждать, потому что *именно человек обладает собственным достоинством*. В современных исследованиях (философов и юристов) акцентируется внимание на двух ключевых факторах, связанных с человеческим достоинством, как оно понимается в текущих дебатах. С одной стороны, это фактор отсутствия согласия в концептуальном осмыслении достоинства и ясности, точности его определения; с другой стороны, фактор повышенной моральной, экзистенциальной и правовой ценности человеческого достоинства в различных дискуссиях о правах человека, конституционализме, биоэтике и трансгуманизме.

Для целей настоящего исследования под *достоинством понимается неотъемлемое качество человеческой личности, которое выражает два взаимосвязанных элемента: 1) самоуважение и самоценность; 2) признание ценности человеческой личности и уважение к ней со стороны других*. Человеческое достоинство рассматривается как понятие и концепция в контексте диалога философско-этических, антропологических, конституционно-правовых и международных дискуссий. Достоинство может по-разному интерпретироваться в различных идеологиях и концепциях публичной и индивидуальной этики (солидаризма, либертарианства, анархизма), которые требуют специального исследования; с позиций правовой экзистенции, международной публично-правовой этики и современного конституционализма человеческое достоинство представляет собой общечеловеческую ценность с культурной и географической спецификацией, так как им обладает каждый представитель человеческого рода, оно связано с автономией лица и самореализацией таким лицом своих способностей в условиях культурных, географических и правовых различий. *Человек достойный (homo dignus)* как характеристика современного человеческого существа – это результат воздействия гуманистических идей Возрождения, современных представлений о человеческой личности через призму прав человека, конституционализма и человеческого процветания. Значительный вклад Дж.П. Мирандолы (в интерпретацию достоинства человека) состоит в том, что он акцентировал свою позицию на понимании достоинства человека одновременно как божественного дара и результата самотворения и саморазвития человеческих качеств в обществе [Мирандола 1962, с. 506–514].

Саморазвитие способностей, этого божественного дара рассматривается в качестве продолжения божественного творения. В работе “Специалисты человеческого достоинства” утверждается, что “человеческое достоинство было рационализировано и стало главной чертой современного политического ландшафта”; в послевоенный период оно соединило старые и новые аргументы и институциональные механизмы для своего обеспечения; каким бы отличительным человеческое достоинство ни было в современную эпоху, оно “не является достижением чистого изобретения” [Bennett 2016, p. 21]. Наиболее влиятельное положение человеческое достоинство получило по отношению к правам человека. Его стали рассматривать комплексно в терминах защиты и обеспечения прав человека, основных свобод личности, содействия социальному благополучию, взаимной терпимости и взаимного уважения [Quataert 2011, p. 4].

В современных исследованиях человеческое достоинство рассматривается как многоплановое и многоаспектное понятие, охватывающее различные области человеческой деятельности; в правовой сфере оно обладает качеством юридического полиморфизма и раскрывает сложную, многогранную связь с правами человека и с понятием человеческой личности. Взгляды ученых на роль и значение человеческого достоинства различаются по концептуальным вопросам, а также по содержательным параметрам определения, что такое достоинство; и по отношению к перспективам сохранения и развития достоинства человека в условиях применения технологий улучшения человеческого потенциала. В диапазоне взглядов есть и *оптимистические реалисты*, и *этические* и *юридические пессимисты*; *биоконсерваторы*, выступающие за сохранение человеческого достоинства и против использования технологий для изменения природы человека, и *трансгуманисты*, поддерживающие развитие человеческого потенциала и отстаивающие совместимость и взаимодополнительность человеческого и “постчеловеческого” достоинства.

М. Нуссбаум как *оптимистический реалист* отмечает, что человеческое достоинство является “сегодня идеей первостепенной важности” [Nussbaum 2008, p. 351]. Эта идея играет ключевую роль в международном правозащитном движении, занимает заметное место в международных и конституционных актах, которые основывают политические принципы для отдельных наций; немаловажная роль человеческого достоинства в “абстрактных теориях справедливости и прав человека”. Г. Беннетт проявляет *оптимистическую сдержанность* и пишет, что “под человеческим достоинством” он имеет в виду понятие и фразу – “фигуру речи – которая оживляет” политические, религиозные и этические дискурсы, практики и институты с конца 40-х гг. XX в., “превращается в эти практики и включает в эти институты”. Тем не менее он сомневается в том, что *фигура человеческого достоинства* стала преобладать в качестве “внутренней ценности центрального элемента глобальной политики” [Bennett 2016, p. 1–2].

На мой взгляд, сомнения оправданы, но и очевидно влияние категории “человеческое достоинство” на глобальную и национальную правовую политику в области биоэтики и биоправа, обеспечения генетического равноправия, в сфере конституционного, уголовного и гражданского законодательства, защиты прав человека и конституционной юстиции. *Этические пессимисты* утверждают, что философская двусмысленность человеческого достоинства делает это понятие в конечном счете бесполезной частью морального лексикона [Macklin 2003, p. 1419]. Среди юристов также встречаются пессимисты, однако их немного; споры в основном касаются роли различных отраслей права и судебных актов в обеспечении достоинства личности; ведь право секуляризует и превращает категорию “достоинство личности” во взаимные права и обязанности государства и личности. На мой взгляд, включаясь в дискуссию об универсальности человеческого достоинства, ученые отстаивают и идею универсальности прав человека. Если утверждать, что достоинство – это просто “бессмысленная концепция”, то такой подход ставит под сомнение идею “универсальных прав человека и утверждение космополитизма о том, что все люди образуют единую моральную общность”. В исследованиях предлагается широкий диапазон “компонентных измерений человеческого достоинства”. Эта модель подразумевает человеческое достоинство в терминах четырех “компонентных измерений – экзистенциального, поведенческого, когнитивно-эмоционального и социального” [Kirchhoffer 2016, p. 167, 177–178].

Человеческое достоинство имеет и моральную, и правовую, и экзистенциальную ценность, так как право и мораль пронизывают бытие человека и реализацию его прав. Комплексному пониманию ценности человеческого достоинства наиболее близка концепция права-как-целостности Р. Дворкина [Dworkin 1986]. Примененная к достоинству личности, концепция права-как-целостности показывает в практике конституционного правосудия, что оперировать достоинством применительно к защите отдельных прав

и свобод невозможно, не опираясь или на принцип равноправия, или на принцип соразмерного ограничения прав и свобод, или на принцип балансирования, каждый из которых включает моральные суждения судей. Недостаточно ограничиваться и пониманием ценности достоинства личности как гарантирующей “любому субъекту базовый пакет прав и свобод” [Тетёркин 2020, с. 39].

Человеческим достоинством охватываются не только традиционные сферы взаимодействия с правами человека (базовый пакет, который включает личные, гражданские, политические права и свободы), но и относительно новые, формирующиеся в новом тысячелетии: 1) обеспечение достоинства в социальной сфере и формирование права на социальное благополучие [Кравец 2020^b, с. 41–53]; 2) генезис “человеческого достоинства” как основы морального этоса различных поколений прав человека, и особенно его роль в формировании нового языка глобальной биоэтики, биоправа [Barilan 2012, р. 1–22]; 3) влияние человеческого достоинства на генетическое равноправие и исследование генома человека; 4) сохранение и возможная трансформация человеческого достоинства под влиянием трансгуманизма, этики человеческого улучшения, технологических инноваций и перспектив формирования трансгуманитарного права [Bostrom 2008, р. 173; Luga 2016, р. 79–88; Kirchhoffer 2017, р. 375].

Достоинство человека в широком смысле становится новым фундаментальным ценностным *основанием для равенства и равноправия* людей, хотя и выделяет человека среди других живых существ более высоким моральным, экзистенциальным и правовым статусом. Еще Р. Дворкин отмечал, что сама идея прав человека зависит от “расплывчатой, но мощной идеи человеческого достоинства” [Dworkin 1970; Dworkin 1977, р. 198]. Второй влиятельной идеей он считал идею политического равенства. Соединяясь и преобразуя друг друга, обе идеи содействуют возникновению концепта *равного достоинства* (не только в политической сфере), который оказывает мощное воздействие на внутригосударственную и международную правовую политику в области прав человека, биоэтики, определяя в перспективе границы государственного принуждения и пределы ограничения прав и свобод личности, выработывая более точные и гибкие границы взаимодействия принципа пропорциональности и принципа уважения, защиты и охраны достоинства личности в различных сферах правового регулирования.

Идея “человеческого достоинства” пользуется выдающимся статусом в национальных конституциях (в том числе в отечественной Конституции 1993 г.), в международном публичном праве прав человека. Парадокс человеческого достоинства как символа заключается в том, что при широком и весьма разнообразном его использовании в качестве универсальной основы прав человека оно “неловко сочетается с отсутствием точного определения”; оно “не имеет конкретного значения или последовательного определения” [Lee 2008, р. 1].

Отмеченные факторы не столько мешают, сколько содействуют происходящим процессам *публичной трансформации* смысла и предназначения, а также *пролиферации* человеческого достоинства как концепта и института. Трансформация *человеческого достоинства* открыла новую эпоху, которая началась после Второй мировой войны. Трансформация затронула существенное понимание и сферу распространения достоинства. Одни исследователи, такие как А. Барак, констатируют факт происшедшей “революции в отношении достоинства” в современном мире [Barak 2012, р. IX] или указывают на достоинство человека как на трансформирующий “портал”, “через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право” [Habermas 2010, р. 469]; другие – отмечают “революции достоинства” на Ближнем Востоке под влиянием арабской весны [Schroeder, Bani-Sadr 2017, р. 1–2, 8]; третьи, изучая “арабскую весну” и “цветные революции” в конституционном измерении, говорят о новых гарантиях достоинства личности, равноправии мужчин и женщин в мусульманских странах (Марокко,

Тунис), закреплении естественных прав и требований о неприкосновенности человеческого тела (Египет) [Хабриева, Чиркин 2018, с. 48–53]; четвертые (подобные К. Дюпре) выражают многообещающую надежду, связывая текущее столетие с наступлением “века достоинства” [Dupré 2016, р. 1–4].

Публичная трансформация человеческого достоинства, как показывают события арабской весны, сопровождается “революционными всплесками”, проникновением достоинства личности в ареал исламского мира, в конституционные акты Египта, Марокко и Туниса. Такие всплески “цветных революций” не переходят в откровенную мистификацию, свойственную революционности (“революционному духу” [Камю 1990, с. 344]). Социально-экзистенциальный пафос человеческого достоинства, о котором писал А. Камю, соединяется с индивидуальным бунтом, который без современных правовых форм не может обеспечить уважение к человеческому достоинству на международном и внутригосударственном уровне. Верен тезис Камю о том, что “сам бунт стремится только к относительному и может обещать только гарантированное достоинство в сочетании с относительной справедливостью” [Camus 1982, р. 254]. Камю использует в своей работе понятия метафизического и исторического бунта, затрагивая и природу достоинства в экзистенциальном смысле. Трансформация человеческого достоинства как концепта и института, начатая со второй половины XX в., продолжается в наши дни; однако это не исторический или метафизический бунт; это *публично-правовая и экзистенциальная пролиферация человеческого достоинства*, затрагивающая многие сферы современной внутригосударственной и международной правовой политики. Под публично-правовой и экзистенциальной пролиферацией человеческого достоинства понимается всемирное признание и распространение на международном и внутригосударственном уровне уважения, охраны и защиты достоинства человека как неотъемлемого свойства человеческой личности, имеющего универсальную правовую и экзистенциальную основу, культурную и географическую специфику.

Данный процесс гораздо масштабнее и в географическом, и в правовом значении, чем процесс европеизации; он в большей степени сопричастен развитию правового плюрализма в регулировании человеческого достоинства. Публично-правовая пролиферация в буквальном смысле означает “размножение” нормативных правовых актов (международного и внутригосударственного уровня) и их положений, закрепляющих человеческое достоинство или достоинство личности. Множится не только число универсальных и региональных актов международного публичного и европейского права, но и число конституций современных государств, которые содержат ясные ссылки на человеческое достоинство. Данный факт увеличения множества конституционных и международно-правовых актов отражают многие исследователи – А. Барак [Barak 2012, р. IX–XII], Э. Дейли [Daly 2012, р. 1–9], Д. Шульцтинер и Г. Карми [Shulztinger, Carmi 2014, р. 461–463], П. Сурлас [Sourlas 2016, р. 30]; из отечественных исследователей на этот факт множественности обращают внимание Н. Бондарь [Бондарь 2017, с. 19–31], И. Кравец [Кравец 2019^а, с. 113, 118–120], В. Невинский [Невинский 2013, с. 48–54]. Публично-правовая и экзистенциальная пролиферация человеческого достоинства соединяется с множеством юридических и экзистенциальных форм закрепления, существования и проявления (реализации) этого свойства человеческой личности.

Особенно многообразны международно-правовые и конституционно-правовые формы закрепления и реализации человеческого достоинства, а также осмысляющие их конституционные и международные доктрины в области прав человека. В.С. Джексон предлагает рассматривать человеческое достоинство в качестве важной части транснационального словаря конституционализма и прав человека [Jackson 2004, р. 15]; О. Шехтер заявляет, что фраза “достоинство человеческой личности” используется как выражение “базовой ценности, принятой в широком смысле всеми народами” [Schachter 1983, р. 848], во многом

под влиянием международного публичного права и его Международного билля о правах человека [The International...].

Исследователи называют различное количество исторических источников для понятия “человеческое достоинство”; на мой взгляд, их пять (наиболее важных в контексте развития представлений и современного значения “*Dignitatis Humanae*”): 1) античное наследие (преимущественно римское), сердцевиной которого следует признавать взгляды Цицерона на понятие “*dignitas*”, которое имело скорее аристократический характер, так как должности и происхождение лица несли с собой достоинство [Cicero Web]; 2) библейская концепция мужчины и женщины (как созданных по образу Бога), повлиявшая на теологический (христианский) подход к пониманию достоинства [Lustig 2017, p. 317]; 3) гуманистическое (с опорой на образ Бога) понимание достоинства человеческой природы в эпоху Возрождения (“Речь о достоинстве человека” Дж. Пико делла Мирандола) [Мирандола 1962]; 4) кантовское понимание достоинства (“*Würde*”), которое исключает равноценный обмен, так как его невозможно заменить чем-то, имеющим равноценную стоимость [Stoecker 2011, p. 8]; 5) правовые акты после Второй мировой войны, которые могут быть разделены на две влиятельные группы: 5а – международные правовые акты (такие, как Устав ООН (преамбула) [Устав ООН Web], Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (преамбула, ст. 1), Международные пакты о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (согласно преамбуле “эти права вытекают из присущего человеческой личности достоинства”), Декларация тысячелетия ООН 2000 г. (провозгласила глобальную значимость человеческого достоинства и ответственность глав государств и правительств) [Декларация...] и др., 5б – конституционные акты (особенно Основной закон ФРГ (*Grundgesetz*) 1949 г. и др., ч.1 ст. 21 Конституции РФ 1993 г.).

До начала Второй мировой войны о достоинстве в разных контекстах упоминали пять конституций (Мексики 1917 г. (ст. 3), Веймарской Германии 1919 г. (ст. 151), Финляндии 1919 г., Ирландии 1937 г. (преамбула), Кубы 1940 г. (ст. 20)). Под влиянием Устава ООН 1945 г. и Международного билля о правах человека, сердцевиной которого является Всеобщая декларация прав человека 1948 г., произошла и продолжается в настоящее время *конституционная пролиферация различных форм человеческого достоинства*. Значительно увеличилось количество демократических государств, которые уже в новом тысячелетии признают “принцип человеческого достоинства” в качестве “основополагающего принципа своего конституционного строя” [Sourlas 2016, p. 31]. С 1945 г. количество конституционных актов стало возрастать, и в 2012 г. исследователи отмечали, что 162 государства закрепляли термин “достоинство” в своих конституциях (84% суверенных государств, которые являлись членами ООН) [Shulztiner, Carmi 2014, p. 461].

Значение различных исторических источников для современного понимания человеческого достоинства, его содержания и концептуального осмысления не столь очевидно. Большинство современных теорий человеческого достоинства устанавливают терминологические и смысловые связи с историческими источниками, которые выполняют роль семантических, интеллектуальных, культурно-религиозных или нормативных истоков для человеческого достоинства в современный период. Однако исторические источники не продуцируют правовое (нормативное) содержание человеческого достоинства для современной юриспруденции; международно-правовые акты своими нормами не исчерпывают (или вообще не определяют) содержание правомочий лиц, полномочий органов и должностных лиц в сфере правового регулирования достоинства; многие государства в конституционном, уголовном, гражданском и процессуальном законодательстве самостоятельно определяют правовые границы содержания, средства защиты и юридические последствия нарушения положений о человеческом достоинстве.

Например, у Канта не было устойчивого словоупотребления термина “человеческое достоинство”; в его этических работах встречаются термины “достоинство человека”, “достоинство человечества”, “достоинство рационального существа”, а также “достоинство закона”, “достоинство долга”, “достоинство морали”, которые говорят о различных акцентах. Как пишет Д. Пффордтен, термин “Menschenwürde” (“человеческое достоинство”) очень по-разному подчеркивается в различных этических трудах Канта, что говорит о его предполагаемой центральной роли в этике Канта; он признает с определенной иронией, что на современное значение “Würde des Menschen” (“достоинство человека”) существенное влияние оказали важные правовые и политические положения актов XX в. в значительно большей степени, чем работы Канта [Pfordten 2009, p. 372, 373].

Понятие человеческого достоинства, связанное с римским *dignitas*, было существенно пересмотрено и переосмыслено в контексте гуманистической, морально-философской, экзистенциальной и правовой ценности. В юридической науке достоинство личности завоевывает место важного структурного элемента правового статуса человека и гражданина, оно влияет на развитие правовой концепции личности, формирование юридической и особенно конституционно-правовой идентичности личности. *Идентификация человеческого достоинства и человеческая идентичность на основе достоинства* – взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия и процессы. Понятие идентичности, введенное первоначально в психоанализе [Erikson 1963, p. 282], не предполагало какую-либо связь с человеческим достоинством применительно к личности. В такой же степени и правовая концепция личности, и концепт “конституционный статус личности” в России (как и во многих других странах) долгое время не включала в свои содержательные элементы и идентифицирующие признаки человеческого достоинства. После конституционализации достоинства личности в ст.21 Конституции РФ ситуация стала меняться: возникло конституционно-правовое и интерпретационное основание для возвышения достоинства в ранг конституционного принципа и конституционной ценности, которая содействует продвижению в правовой системе страны эгалитарной концепции достоинства и формированию концепта равного достоинства.

Следует признать, что идентичность современного человека во многих случаях апеллирует к человеческому достоинству. Не все концепции идентичности включают достоинство в идентифицирующие признаки человеческой личности; не все исследователи признают достоинство необходимым свойством для идентификации человека и построения теории идентичности. Современный идеал аутентичности (Ч. Тэйлора) адекватен универсальному и эгалитарному пониманию человеческого достоинства. В работе “Этика аутентичности” Ч. Тэйлор утверждает, что именно эгалитарная концепция достоинства является “единственной, совместимой с демократическим обществом, и было неизбежно, что старая концепция чести была изолирована” [Taylor 2003, p. 46]. Конечно, античное (римское) понятие *dignitas* связывало должностное положение и социальное происхождение лица с авторитетом, почестями и заслугами. В средневековых и иных обществах, основанных на социальных иерархиях, социальный ранг человека также увязывался с социальным происхождением и положением, отражением которых становилось сословное, родовое или иным образом оформленное понятие *чести*. В современном демократическом обществе на место универсального идентификатора человеческой личности претендует достоинство, осмысленное в терминах равного признания.

Терминологически и концептуально достоинство имеет широкий спектр применения в современном философском и правовом языке. Обсуждение философско-морального содержания человеческого достоинства происходит в рамках теории эволюционизма, которая с трудом выстраивается в линейную перспективу; скорее она говорит о том, что моральные и этические взгляды и требования менялись с течением времени и оказывали воздействие на понимание достоинства. Если античный период (взгляды Цицерона) предлагает нам

понимание достоинства как основание для дифференцирующего статуса, христианский подход связывает достоинство с образом Бога и подобия ему, то современность (со второй половины XX в.) требует иного подхода: осмысление достоинства как уравнивающего основания для человека и гражданина. Причем такое уравнивающее основание, хотя и может в исторической культурной и моральной ретроспективе иметь различные религиозные истоки, с позиций современного права подвергается секуляризации, как это сделано в положениях Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Как философская категория достоинство личности аккумулирует в различных правовых культурах представление о достойном статусе, поведении, характерных чертах человека как биологического существа и одновременно как представителя социума.

Большинство исследователей человеческого достоинства утверждают, что оно имеет первостепенное значение для прав человека в современную эпоху. Тем не менее, по мнению ученых, возникает вопрос, “можно ли считать человеческое достоинство постоянным, измеримым или колеблющимся понятием в соответствии с различными историческими периодами и различными культурами” [Măgureanu 2019, p. 470]? Ответ на этот вопрос, на первый взгляд, не представляется трудным, так как сама рациональность исторична как в контексте самопознания человека, так и в научном процессе исследования природы человека. В то же время сложность задачи определения, что такое достоинство, не должна вводить в заблуждение относительно его природы и в отношении отдельного человека, и в отношении человеческого рода как разновидности живых существ. Одни авторы считают, что человеческое достоинство имеет природу “хамелеона”: это означает, что определение достоинства представляется невозможной задачей, учитывая высокую степень общности концепции, ее “хамелеоновую” природу в разных правовых культурах и разных исторических периодах [Măgureanu 2019, p. 470].

Другие авторы исходят из концепции *морального эволюционизма* применительно к достоинству личности. По их мнению, достоинство - это “концепция, которая эволюционировала в соответствии с моральными и этическими требованиями определенного времени и пространства, следуя изменениям в жизни общества, которое его санкционирует” [Fodor 2017, p. 79].

Третьи исследователи видят важную значимость человеческого достоинства из-за его комплексного воздействия на моральный и политический порядок, доктрину и практику прав человека [Kaufmann 2011, p. 229]. На мой взгляд, именно в современной юриспруденции (международной, конституционной и иной отраслевой внутригосударственной) человеческое достоинство постепенно становится *нормативной основой и категорическим требованием* для структурирования правового, политического и социального порядка таким образом, чтобы уважать ценность человеческой личности, имманентно присущие ей качества, права, свободы и обязанности с позиций межотраслевой и наднациональной гармонизации интересов личности, общества и государства, внутригосударственного и международного правопорядка.

Принцип уважения человеческого достоинства, хотя и связан с обеспечением автономии лица, не может рассматриваться исключительно как “фундаментальная аксиома” западной “индивидуалистической этической системы” [Goodin 1981, p. 97]. Этот принцип занимает устойчивое публично-правовое положение в международном публичном праве; он проникает в конституционное и смежное законодательство современных государств. Возможно, он станет одним из универсальных принципов международного права в области прав человека, хотя в научной литературе обсуждается человеческое достоинство как *уникальный принцип статуса*. На мой взгляд, предложение о признании принципа уважения и охраны человеческого достоинства в качестве принципа международного права заслуживает внимания [Кравец 2019^b, с. 118–119]; природа его весьма дискуссионна, возможно это *метаправовой принцип* для международного, наднационального и внутри-

государственного права. В современных дискуссиях предлагается рассматривать человеческое достоинство как принцип *Sui Generis*, функция которого заключается в “унификации наших нормативных порядков”; “это принцип в праве, но не правовой принцип”; это “базовый статус, который необходимо сохранить в любом институте или процессе”; по мнению С. Райли, данный принцип “требует определения в разных контекстах”, “мы не должны стремиться свести человеческое достоинство к правовой норме или правовому принципу”; в нем заключено “соглашение о главенстве человеческого достоинства, этот объединяющий принцип постмирового порядка принимает форму (одновременно моральной, политической и правовой) приверженности статусу личности” [Riley 2019, pp. 439, 452].

В современной этике существует согласие с тем, что человеческое достоинство имеет огромное моральное значение; мнения расходятся относительно того, как именно понятия достоинства должны входить в нравственную практику [Bird 2013, p. 150], а также в наше суждение о том, как и почему мы должны уважать человеческое достоинство. Тем более сложен вопрос о юридическом и судебном использовании понятия достоинство личности, как оно употребляется в положениях ч.1 ст. 21 Конституции РФ. Конституционное право трансформирует человеческое достоинство из области морали в сферу правовой экзистенции, создавая конституционные и юридические параметры (обязанности государства, его органов, должностных лиц, иных граждан).

Уважать человеческое достоинство означает несколько взаимосвязанных постулатов, которые, обретая юридический характер, становятся элементами правовой концепции достоинства человеческой личности, продвигают в область права *требования о равном достоинстве*. Во-первых, уважать – значит почитать человеческие качества личности, относиться к ним равноценно, независимо от должностного или социального положения лица. Во-вторых, уважать – значит почтительно относиться к правам, свободам личности, учитывать особенности правового положения лица, отражающиеся на индивидуальном статусе. В-третьих, уважение предполагает отношение к обязанностям лица как к взаимным требованиям, которые признаются и исполняются в актах коммуникации различных лиц между собой.

В-четвертых, уважать – значит признавать достоинство в качестве неотъемлемой ценности человеческой личности, которая имеет конституционно-правовой и – шире – юридический статус в РФ и других странах мира. В-пятых, уважать – это не допускать юридического оправдания посягательств на достоинство или его умаления в целях достижения неправомерной (как и необоснованной) государственной воли, в такой же степени и государственных интересов, не согласованных с правами, свободами и законными интересами личности. В-шестых, уважение человеческое достоинство имеет *метаправовой характер*, в нем есть *универсальность признания* и *уникальность индивидуализации* в ходе правового регулирования и применения в конкретной правовой ситуации.

Метаправовой характер категории “человеческое достоинство” сочетается с юридическим полиморфизмом, который охватывает не какую-либо одну, а многие отрасли права (конституционное, международное, европейское, гражданское, уголовное, процессуальное). Дивергентность комбинируется с метаправовым характером и проявляется в том, что современный конституционализм (европейский и российский, международный) постепенно усматривает в достоинстве личности метаправовой принцип, составляющий гуманитарное и юридическое ядро конституционного уровня, предназначенное для центрирования государственной политики и фиксации вектора развития правовой системы с гуманистическим и “человекоцентричным” потенциалом.

Должны ли мы признавать автономию в качестве важнейшего или единственного элемента достоинства? Многие исследователи отрицают исключительную автономизацию достоинства. Автономия не является ни единственным, ни даже самым важным элементом достоинства. В современном понимании достоинства заложен “ген” эгалитаризма,

который в процессе своего развертывания приводит нас к осознанию необходимости обеспечения равного достоинства человеческой личности. Возможно, что дискуссия о движении от чести к достоинству, которая сопровождала публичные трансформации и социальные революции, в современную эпоху означает не что иное, как выработку *универсального эгалитарного понятия человеческого достоинства*, которое не может быть связано с социальным происхождением или положением лица в обществе.

Значение этого перехода (от чести к достоинству) обсуждается в работе П. Бергера [Berger 1983, pp. 172–181]. Понятие достоинства отличается от понятия чести в обществе с социальной дифференциацией. Честь неразрывно связана с неравенством, которое лежит в основе социальных иерархий, которые рушатся в условиях демократического государства и эгалитарного общества. «В отличие от этого понятия чести, – пишет Ч. Тэйлор, – у нас есть современное понятие достоинства, которое теперь используется в универсалистском и эгалитарном смысле, где мы говорим о врожденном “достоинстве людей” или достоинстве граждан» [Taylor 2003, p. 46].

В современной российской юриспруденции (начиная с 1993 г.) произошла конституционализация (сначала нормативная, потом доктринальная и судебная) института достоинства личности [Бондарь 2017; Кравец 2019^а], хотя принцип равного достоинства, как и конституционное право на достоинство, непосредственно в тексте Конституции РФ не закрепляется. Позитивным элементом трансформации российского конституционализма следует признать конституционный и вместе с тем метаотраслевой статус достоинства личности благодаря расширению юридической природы положений о достоинстве личности, закрепленных в Конституции РФ. Это стало возможным, во-первых, благодаря доктринальной трансформации института достоинства личности из сугубо цивилистической категории в конституционно-правовую (сначала), а затем в межотраслевую и надотраслевую, во-вторых, под влиянием правовых позиций Конституционного суда РФ и доктрины судебного конституционализма.

Метаотраслевой статус достоинства личности следует интерпретировать в духе *расширительного понимания равноправия*, распространенного не только на права человека, но и на его достоинство. Представляется, что термин “метаправовой” лучше характеризует комплексную природу института достоинства личности (как для внутрисударственного, так и для наднационального правопорядка). В исследованиях указывается, что человеческое достоинство – это принцип со статусом *sui generis*, “чья парадигматическая функция находится во внутритканевом контексте”, между правовым, политическим и моральным одновременно [Riley 2019, p. 452]. Человеческое достоинство является и предметом государственной и международной правовой политики, заботы о продвижении этого правового института и его гарантий в законодательство различных стран; оно (достоинство) как моральная категория характеризует высокий статус человека среди других живых существ; как правовой институт имеет разнообразные юридические формы закрепления, соединяя моральную, правовую и экзистенциальную ценность.

По мнению Ю. Хабермаса, современные доктрины права и морали, которые претендуют на то, чтобы опираться только на человеческий разум, разделяют концепции индивидуальной автономии и равного уважения ко всем. Но есть и различие в понимании следствий, вытекающих из общей основы морали и права, которую признает Хабермас [Habermas 2010, p. 471]. Различие касается сфер охвата права и морали, но не только; в такой же степени оно касается последствий (юридических и моральных), которые применимы и к достоинству. Моральные обязательства уважать достоинство не подкреплены юридическими требованиями, гарантиями и государственными санкциями. В то время как современное право создает четко определенные области регулирования для личного выбора и осуществления собственной жизни; помимо этого правовые нормы о достоинстве предписывают четко определенные юридические последствия, которых может

не быть вообще или они могут иметь необязательный статус в отношении нарушения норм морали. Следовательно, человеческое достоинство через нормы права (международного, конституционного, отраслевого) в процессе конституционализации и судебного применения приобретает правовое содержание и способы юридической защиты, а также обязательства по их соблюдению в отношении органов государства, их должностных лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарь Н. С. (2017) Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. № 4. С. 19–31.
- Декларация тысячелетия ООН (Web) Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принята 8 сентября 2000 г. (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml).
- Камю А. (1990) Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат. 415 с.
- Кравец И.А. (2019^а) Достоинство личности в теории и практике судебного конституционализма // Журнал конституционного правосудия. № 1. С. 11–20.
- Кравец И.А. (2019^б) Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. № 1. С. 111–128. doi: 10.12737/art_2019_1_8.
- Кравец И.А. (2020^б) Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1. С. 41–53.
- Мирандола Д. Пико делла (1962) Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5 тт. / Овсянников М.Ф. (отв. ред.). М.: Изд. Академии художеств СССР. Т. 1. С. 506–514.
- Невинский В.В. (2013) Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. № 11. С. 48–54.
- Тетёркин А.А. (2020) Как сегодня должно пониматься уважение к достоинству человека? // Вопросы философии. № 2. С. 38–50. doi: 10.21146/0042–8744–2020–2–38–50.
- Устав ООН (Web) Организация Объединенных Наций (<http://www.un.org/ru/charter-unitednations/index.html>).
- Хабермас Ю. (2012) Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. № 2. С. 66–80.
- Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. (2018) “Цветные революции” и “арабская весна” в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М. 192 с.
- Barak A. (2012) Foreword // Daly, Erin. Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. Pp. IX–XII.
- Barilan Y.M. (2012) Human Dignity, Human Rights, and Responsibility: The New Language of Global Bioethics and Biolaw. Cambridge, MA: MIT Press. 368 pp.
- Bennett G. (2016) Technicians of Human Dignity. Bodies, Souls, and the Making of Intrinsic Worth. New York: Fordham Univ. Press. 338 pp.
- Berger P. (1983) On the Obsolescence of the Concept of Honor / Hauerwas S., MacIntyre A. (eds) Revisions: Changing Perspectives in Moral Philosophy. Notre Dame (Indiana): Notre Dame Univ. Press. Pp. 172–181.
- Bird C. (2013) Dignity as a Moral Concept // Social Philosophy & Policy. Vol. 30. Issue 1–2, Pp. 150–176. doi:10.1017/S0265052513000071.
- Bostrom N. (2008) Dignity and Enhancement. In Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President’s Council on Bioethics. Washington, DC. Pp. 173–206.
- Camus A. (1982) The Rebel. England: Penguin Books. 278 pp.
- Cicero M.T. (Web) De Inventione, Published by E. Stroebe (<http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166>).
- Daly E. (2012) Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 272 p.
- Dupré C. (2013) Human Dignity in Europe: A Foundational Constitutional Principle. European Public Law. Vol. 19 (2). Pp. 319–339.

- Dworkin R. (1970) A Special Supplement: Taking Rights Seriously // *The New York Review of Books*. Vol. 15. No 11. December 17.
- Dworkin R. (1986) *Law's Empire*. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press. 470 p.
- Dworkin R. (1977) *Taking Rights Seriously*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 372 p.
- Erikson E. H. (1963) *Childhood and Society*. New York: W.W. Norton & Co. 445 pp.
- Fodor E.-M. (2017) Human Dignity in Romanian Law // *Law Review: Judicial Doctrine & Case-Law*. Vol. 2017. Pp. 79–92.
- Goodin R.E. (1981) The Political Theories of Choice and Dignity // *American Philosophical Quarterly*. Vol. 18. No. 2. Pp. 91–100.
- Habermas J. (2010) The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights // *Metaphilosophy*. Vol. 41 (4). Pp. 464–480.
- Iuga I. (2016) Transhumanism Between Human Enhancement and Technological Innovation // *Symposion*. Vol. 3 (1). Pp. 79–88.
- Jackson V.C. (2004) Constitutional Dialogue and Human Dignity: States and Transnational Constitutional Discourse // *Montana Law Review*. Vol. 65. Iss. 1. Pp. 15–40.
- Kaufmann P. et al. (eds.) (2011) *Humiliation, Degradation, Dehumanization. Human Dignity Violated*. Springer Netherlands. XIV, 266 pp. doi: 10.1007/978-90-481-9661-6.
- Kirchhoffer D.G. (2017) Human Dignity and Human Enhancement: a Multidimensional Approach // *Bioethics*. Vol. 31 (5). Pp.375–383. doi:10.1111/bioe.12343
- Kirchhoffer D.G. (2016) Questioning Human Dignity: The Dimensions of Dignity Model as a Bridge Between Cosmopolitanism and the Particular // J. Tāivaldis Ozoliņš (ed.), *Religion and Culture in Dialogue. East and West Perspectives, Sophia Studies in Cross-cultural Philosophy of Traditions and Cultures* 15. Springer. Pp.167–179. doi: 10.1007/978-3-319-25724-2_11.
- Lee M.Y.K. (2008) Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context // *Asian Journal of Comparative Law*. Vol. 3 (1). Article 10. Pp. 1–33. doi: 10.2202/1932-0205.1076.
- Lustig A. (2017) The Image of God and Human Dignity: A Complex Conversation // *Christian Bioethics*. Vol. 23. Iss. 3. Pp. 317–334. doi:10.1093/cb/cbx014.
- Macklin R. (2003) Dignity is a useless concept // *British Medical Journal*. Vol. 32 (7). Pp. 1419–1420.
- Măgureanu A.F. (2019) The Human Dignity between Means and Purpose // *Contemporary Readings in Law & Social Justice*. Vol. 9. No. 2. Pp. 470–476.
- Nussbaum M. (2008) Human Dignity and Political Entitlements // *Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*. Washington, DC. Pp. 351–380.
- Pfordten D. von der. (2009) On the Dignity of Man in Kant // *Philosophy*. Vol. 84. No. 329. Pp. 371–391. doi:10.1017/S0031819109000370.
- Quataert J. (2011) *Advocating Dignity: Human Rights Mobilizations in Global Politics*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 376 pp.
- Riley S. (2019) Human Dignity as a Sui Generis Principle // *Ratio Juris*. Vol. 32. No. 4. Pp. 439–454 (<https://doi.org/10.1111/raju.12258>).
- Schachter O. (1983) Human Dignity as a Normative Concept // *American Journal of International Law*. Vol. 77. Iss. 4. Pp. 848–854.
- Schroeder D.; Bani-Sadr A.-H. (2017) *Dignity in the 21st Century: Middle East and West*. Springer. XIII, 101 pp.
- Shultziner D., Carmi G. E. (2014) Human Dignity in National Constitutions: Functions, Promises and Dangers // *American Journal of Comparative Law*. Vol. 62. Iss. 2. Pp. 461–490.
- Sourlas P. (2016) Human Dignity and the Constitution // *Jurisprudence*. Vol. 7 (1). Pp. 30–46, doi: 10.1080/20403313.2015.1066556.
- Stoecker R. (2011) Three Crucial Turns on the Road to an Adequate Understanding of Human Dignity // Kaufmann P. et al. (eds.). *Humiliation, Degradation, Dehumanization. Human Dignity Violated*. London, New York: Springer. Pp.7–17.
- Taylor C. (2003) *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard Univ. Press. 142 pp.
- The International Bill of Human Rights (Web) United Nations. Human Rights Office of the High Commissioner (<https://www.ohchr.org/Documents/Publications/Compilation1.en.pdf>).

REFERENCES

- Barak A. (2012) Foreword. In Daly E. *Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, pp. IX–XII.
- Barilan Y.M. (2012) *Human Dignity, Human Rights, and Responsibility: The New Language of Global Bioethics and Biolaw*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Bennett G. (2016) *Technicians of Human Dignity. Bodies, Souls, and the Making of Intrinsic Worth*. New York: Fordham Univ. Press.
- Berger P. (1983) On the Obsolescence of the Concept of Honor. In Hauerwas S., MacIntyre A. (eds.) *Revisions: Changing Perspectives in Moral Philosophy*. Notre Dame (Indiana): Notre Dame Univ. Press, pp. 172–181.
- Bird C. (2013) Dignity as a Moral Concept. *Social Philosophy & Policy*, vol. 30, issue 1–2, pp. 150–176. doi:10.1017/S0265052513000071.
- Bondar N.S. (2017) Konstitutsionnaya kategoriya dostoinstva lichnosti v tsennostnom izmerenii: teoriya i sudebnayapraktika [The constitutional category of human dignity in the value dimension: theory and judicial practice]. *Constitutional and Municipal Law*, no. 4, pp. 19–31. (in Russ.)
- Bostrom N. (2008) *Dignity and Enhancement. In Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*. Washington, DC, pp. 173–206.
- Camus A. (1982) *The Rebel*. England: Penguin Books. 278 pp.
- Camus A. (1990) *The Rebel Man. Philosophy. Policy*. Art: Trans. from fr. M.: Politizdat. 415 p. (in Russ.)
- Charter of the United Nations 1945. (Web) United Nations. (<https://www.un.org/en/charter-united-nations/index.html>).
- Cicero M.T. (Web) *De Inventione*, Published by E. Stroebe (http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166).
- Daly E. (2012) *Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.
- Dupré C. (2013) Human Dignity in Europe: A Foundational Constitutional Principle. *European Public Law*, vol. 19 (2), pp. 319–339.
- Dworkin R. (1970) A Special Supplement: Taking Rights Seriously. *The New York Review of Books*, vol. 15, no. 11, december 17.
- Dworkin R. (1986) *Law's Empire*. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press.
- Dworkin R. (1977) *Taking Rights Seriously*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Erikson E. H. (1963) *Childhood and Society*. New York: W.W. Norton & Co.
- Fodor E.-M. (2017) Human Dignity in Romanian Law. *Law Review: Judicial Doctrine & Case-Law*, vol. 2017, pp. 79–92.
- Goodin R.E. (1981) The Political Theories of Choice and Dignity. *American Philosophical Quarterly*, vol. 18, no. 2, pp. 91–100.
- Habermas J. (2010) The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights. *Metaphilosophy*, vol. 41 (4), pp. 464–480.
- Iuga I. (2016) Transhumanism Between Human Enhancement and Technological Innovation. *Symposion*, vol. 3 (1), pp. 79–88.
- Jackson V.C. (2004) Constitutional Dialogue and Human Dignity: States and Transnational Constitutional Discourse. *Montana Law Review*, vol. 65, iss. 1, pp. 15–40.
- Kaufmann P. et al. (eds.) (2011) *Humiliation, Degradation, Dehumanization. Human Dignity Violated*. Springer Netherlands. doi: 10.1007/978-90-481-9661-6.
- Khabrieva T.Ya., Chirkin V.Ye. (2018) “Tsvetnye revolyutsii” i “arabskaya vesna” v konstitutsionnom izmerenii: politologo-yuridicheskoe issledovanie [“Color revolutions” and “Arab spring” in the constitutional dimension: political and legal research]. Moscow.
- Kirchhoffer D.G. (2017) Human Dignity and Human Enhancement: A Multidimensional Approach. *Bioethics*, vol. 31 (5), pp. 375–383. doi:10.1111/bioe.12343.
- Kirchhoffer D.G. (2016) Questioning Human Dignity: The Dimensions of Dignity Model as a Bridge Between Cosmopolitanism and the Particular. In J. Tāivaldis Ozoliņš (ed.), *Religion and Culture in Dialogue. East and West Perspectives, Sophia Studies in Cross-cultural Philosophy of Traditions and Cultures 15*. Springer, 2016, pp. 167–179. doi: 10.1007/978-3-319-25724-2_11.
- Kravets I. A. (2019^a) Dostoinstvo lichnosti v teorii i praktike sudebnogo konstitutsionalizma [Human dignity in the theory and practice of judicial constitutionalism]. *Journal of Constitutional Justice*, no. 1, pp. 11–20.

Kravets I.A. (2019^b) Dostoinstvo lichnosti: dialog teorii, konstitutsionnykh norm, mezhdunarodnykh regulyatorov i sotsial'noi real'nosti [Human dignity: dialogue of theory, constitutional norms, international regulators and social reality]. *Journal of Russian Law*, no. 1, pp. 111–128. (in Russ.) doi: 10.12737/art_2019_1_8.

Kravets I.A. (2020^a) Homo Dignus v filosofskom i pravovom diskurse: chelovecheskoe dostoinstvo i filosofiya konstitutsionalizma [Homo Dignus in Philosophical and Legal Discourse: Human Dignity and the Philosophy of Constitutionalism]. *Voprosy Filosofii*, no. 2, pp. 26–37. doi: 10.21146/0042–8744–2020–2–26–37.

Kravets I.A. (2020^b). Konstitutsionalizatsiya dostoinstva lichnosti i perspektivy prava na sotsial'noe blagopoluchie [Constitutionalization of human dignity and prospects for the right to social wellbeing]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 41–53.

Lee M.Y.K. (2008) Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context. *Asian Journal of Comparative Law*, vol. 3 (1), Article 10, pp. 1–33. doi: 10.2202/1932-0205.1076.

Lustig A. (2017) The Image of God and Human Dignity: A Complex Conversation. *Christian Bioethics*, vol. 23, iss. 3, pp. 317–334. doi:10.1093/cb/cbx014

Macklin R. (2003) Dignity is a useless concept. *British Medical Journal*, vol. 32(7), pp. 1419–1420.

Măgureanu A.F. (2019) The Human Dignity between Means and Purpose. *Contemporary Readings in Law & Social Justice*, vol. 9, no. 2, pp. 470–476.

Millennium Declaration of United Nations 2000 (Web) United Nations Millennium Declaration, adopted on September 8 2000 (<https://www.un.org/en/development/devagenda/millennium.shtml>).

Nevinskii V.V. (2013) Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i dostoinstvo lichnosti (vospominanie o budushchem) [The Constitution of the Russian Federation and human dignity (remembering the future)]. *Constitutional and Municipal Law*, no. 11, pp. 48–54. (in Russ.)

Nussbaum M. (2008) Human Dignity and Political Entitlements. In *Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*. Washington, DC, pp. 351–380.

Pfordten D. von der. (2009) On the Dignity of Man in Kant. *Philosophy*, vol. 84, no. 329, pp. 371–391. doi:10.1017/S0031819109000370.

Mirandola Piko della, Dzh. (1962) Rech' o dostoinstve cheloveka. In *Istoriia estetiki. Pamiatniki mirovoi esteticheskoi mysli*. V 5 t. T. 1. Otv. red. M.F. Ovsiannikov. Moscow: Izd-vo Akademii khudozhestv SSSR, pp. 506–514 [Pico della Mirandola, Giovanni, Speech on the dignity of man. In History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought. In 5 t. T. 1. Resp. ed. M.F. Ovsyannikov. Moscow: Publishing House of the Academy of Arts of the USSR, pp. 506–514].

Quaartaert J. (2011) *Advocating Dignity: Human Rights Mobilizations in Global Politics*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.

Riley S. (2019) Human Dignity as a Sui Generis Principle. *Ratio Juris*, vol. 32, no. 4, pp. 439–454 (<https://doi.org/10.1111/raju.12258>).

Schachter O. (1983) Human Dignity as a Normative Concept. *American Journal of International Law*, vol. 77, iss. 4, pp. 848–854.

Schroeder D., Bani-Sadr A.-H. (2017) *Dignity in the 21st Century: Middle East and West*. Springer. XIII, 101 pp.

Shultziner D., Carmi G. E. (2014) Human Dignity in National Constitutions: Functions, Promises and Dangers. *American Journal of Comparative Law*, vol. 62, iss. 2, pp. 461–490.

Sourlas P. (2016) Human Dignity and the Constitution. *Jurisprudence*, vol.7 (1), pp. 30–46, doi: 10.1080/20403313.2015.1066556.

Stoecker R. (2011) Three Crucial Turns on the Road to an Adequate Understanding of Human Dignity. In Kaufmann P. et al. (eds.). *Humiliation, Degradation, Dehumanization. Human Dignity Violated*. London, New York: Springer, pp. 7–17.

Taylor C. (2003) *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard Univ. Press.

The International Bill of Human Rights (Web) United Nations. Human Rights Office of the High Commissioner (<https://www.ohchr.org/Documents/Publications/Compilation1.en.pdf>).

Tsiatserkin A. A. (2020) Kak segodnya dolzhno ponimat'sya uvazhenie k dostoinstvu cheloveka? [How Should Respect for Human Dignity be Understood Today?] *Voprosy Filosofii*. no. 2, pp. 38–50 (in Russ.)